

Седьмая Книга

Евгения Мариатт

**Златокудрая
Эльза**

Евгения Марлитт
Златокудрая Эльза

«Седьмая книга»

1866

Марлитт Е.

Златокудрая Эльза / Е. Марлитт — «Седьмая книга», 1866

Очень вредно – не ездить на бал, когда ты этого заслуживаешь. Она – бедная, умная и красивая. Он – богатый, благородный, мужественный и несчастный. Она любит его. Он любит ее. Но их чувства скрыты от окружающих. Старинный замок, семейная тайна и немного юмора – все это придает истории мягкую и уютную атмосферу, и подарит несколько спокойных часов отдыха.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Евгения Марлитт

Златокудрая Эльза

Глава 1

Целый день непрерывно валил снег, покрывший крыши и подоконники толстым безупречно-чистым снежным слоем. Разразившаяся с наступлением вечера метель гнала кружившиеся хлопья и с яростью налетала на мирные стаи голубей. Однако погода, в которую, как говорится, хороший хозяин не выгонит из дома и собаки, не отразилась заметно на уличном движении столицы между шестью и семью часами вечера.

Газовые фонари горели, а экипажи выезжали из-за углов с такой скоростью, что пешеходы должны были опасаться за свою жизнь и, желая ее сохранить, совершали прыжки в сторону домов. Град крепких словечек сыпался вслед кучеру и экипажу, за плотно закрытыми занавесками которого виднелись украшенные цветами головы дам, утопавших в волнах тонкого газа, шелка и не подозревавших, какие «лестные» пожелания сыпались на их изящные головки. В окнах магазинов, отбрасывающих яркий свет – завитые манекены с темными или светлыми шевелюрами, которые способны внушить зависть дикарю – собирателю вражеских скальпов; прилежно работающие часовщики; улыбающиеся лица; руки, перебирающие пышные ткани и наряды. Искусственные цветы, сложенные в гирлянды и букеты, соседствовали с живыми цветами, служившими моделью для них.

Из переулка на одну из центральных улиц вышла упругим и легким шагом женская фигура. Поношенное пальто плотно облегалo стройные формы, она крепко прижимала к груди старую теплую муфту, придерживая свесившиеся концы вуали, из-под которой сверкала молодым задором пара блестящих голубых глаз. Они весело смотрели на пелену снега и с удовольствием останавливались на розах и темных фиалках в витринах магазинов, и только тогда прятались в тени густых ресниц, когда среди снежных хлопьев неожиданно попадалась колючая градинка. Кому приходилось когда-либо слышать, как женские руки начинают бойко играть на рояле знакомую мелодию, но тотчас же фальшивят, берут всевозможные ноты, кроме тех, которые нужны в настоящую минуту, затем быстро мчатся дальше, вставляя или пропуская несколько легких тактов, чей слух подвергался подобным пыткам, тот легко может понять, с каким наслаждением молодая девушка, только что дававшая в институте уроки музыки, подставляла снежным хлопьям и свежему ветру свое разгоряченное лицо.

Пока она легко и быстро движется среди густой толпы, я хочу немного познакомить читателей с ее прошлым.

Вольф фон Гнадевиц был последним представителем славного рода, ведущего свое начало с того доброго старого времени, когда проезжавшие по дорогам купцы подвергались нападениям рыцарей и отдавали свои дорогие ткани и прочие товары в обмен на жизнь. К тем временам относится и колесо в гербе Гнадевицей, на котором испустил свой геройский дух один из предков вследствие того, что, следуя рыцарскому правилу присвоения чужого имущества, пролил слишком много неблагородной купеческой крови.

Это была большая несправедливость, всколыхнувшая все дворянство страны, так как обычно колесование предназначалось лишь для людей низкого происхождения. Тем более, что «мученик» проливал только кровь торговцев и ремесленников, а она стоила дешевле воды. Итак, герой-разбойник не оставил темного пятна на своем генеалогическом древе, а его семья даже с какой-то бравадой включила в свой герб колесо, которое он облагородил.

Фон Гнадевиц, последний отпрыск своего рода, камергер при княжеском дворе Х., был кавалером многих орденов, обладателем нескольких имений и всех свойств характера, прису-

щих, по его мнению, лицам аристократического происхождения и называемых им благородными, потому что пониманию простого смертного, при его узких взглядах на нравственность под давлением условий жизни и нравов, были недоступны неподражаемая грация и изящество порока.

Вольф фон Гнадевиц, который подобно своему деду, очень любил роскошь, покинул замок в горах Тюрингии, служивший колыбелью его рода, и выстроил себе в долине совершенно сказочный дворец в итальянском стиле. Вскоре внук совсем забросил замок на горе, но значительно расширил и украсил этот большой итальянский дворец в долине. Казалось, Вольф ни на минуту не сомневался в том, что его род будет продолжаться до Страшного суда: ведь для того, чтобы заселить все вновь возведенные пристройки дворца, старое генеалогическое древо Гнадевицей должно было дать бесчисленное количество новых побегов.

Однако судьба распорядилась иначе. У Вольфа Гнадевица был сын, который уже в двадцать лет являлся таким истым Гнадевицем, что даже предок, прибавивший к фамильному гербу колесо, должен был бледнеть в сравнении с ним. Однажды во время охоты молодой барин нанес одному из загонщиков страшный удар хлыстом только за то, что тот нечаянно отдал ногу любимой хозяйской собаке. Некоторое время спустя Ганс был найден на дубе в лесу с веревкой на шее. Избитый загонщик поплатился за это жизнью, но сия мера не воскресила последнего Гнадевица, и славный род угасал.

После страшного происшествия Вольф немедленно покинул свой роскошный особняк в долине и перебрался в Силезию, в одно из своих многочисленных имений. Он взял к себе в дом дальнюю родственницу по боковой линии для того, чтобы та заботилась о нем. Однако, оказалось, что эта родственница – прелестная молодая особа. При виде ее старик забыл о цели ее приезда и решил, что его шестидесятилетний стан еще достаточно строен для того, чтобы облачиться в свадебный фрак. Но, к глубочайшему негодованию, ему пришлось узнать, что уже наступило время, когда даже Гнадевиц может получить отказ: он пришел в ярость, когда девушка созналась ему, совершенно забыв о своем высоком происхождении, что отдала свое сердце молодому офицеру недворянского происхождения, сыну одного из лесничих Гнадевица.

У молодого офицера Фербера не было ничего, кроме сабли и стройной фигуры. Но он был очень образован и обходителен и отличался прекрасным характером. Когда после этого признания фон Гнадевиц оттолкнул от себя прелестную Марию, молодой Фербер женился на ней, и первые десять лет своего брака не согласился бы поменяться местами ни с одним королем. Но тут наступил 1814 год, принесший с собой тяжелые испытания и произведший полный переворот в его жизни. Для Фербера наступил критический момент, когда ему пришлось выбирать между двумя чувствами: первое еще с колыбели внушалось ему отцом и побуждало его любить ближнего своего как самого себя и прежде всего своих соотечественников; второе же было чувством долга, и оно повелело ему взяться за оружие.

В этой тяжелой борьбе победило первое. Фербер не пошел против своих братьев, но эта победа стоила ему карьеры и лишила обеспеченного положения. Он ушел в отставку. Вскоре после этого простуда уложила его в постель, с которой он поднялся только спустя несколько лет. Потом он переехал с семьей в Б., где получил сносное место бухгалтера в одной крупной торговой фирме. Это подоспело как раз вовремя, так как капиталец жены пропал при банкротстве банка, и только многократная денежная помощь старшего и единственного брата Фербера, служившего лесничим в тюрингском лесничестве, спасла несчастную семью от крайней нужды.

К сожалению, это счастье продолжалось недолго. Начальник Фербера был очень набожным и старался обращать на путь истины всех подчиненных. Фербер также не избежал этого, однако усердие Гагена, как звали хозяина фирмы, натолкнулось здесь на решительный отпор. Правда, отпор этот высказывался спокойно и основывался на глубоких научных знаниях, однако это страшно возбудило набожную душу купца. Мысль о том, что он дает хлеб вольнодумцу и тем способствует гибели царства Божия, не давала Гагену покоя, пока он, наконец, не

избавился от этой тяжести, написав приказ об увольнении Фербера и выгнав заблудшую овцу из своего стада.

В это время Вольф фон Гнадевиц отправился к праотцам и, так как он строго придерживался правил своих предков – никогда не оставлять ни одной обиды неотмщенной, то жизнь старика закончилась достойным его завещанием, написанным им собственноручно. Этим завещанием, свидетельствующим о его родовой последовательности, он назначил дальнего родственника своей жены полным наследником всего имущества. Заканчивался документ следующими словами: *«Вследствие того, что Анна-Мария Фербер, урожденная фон Гнадевиц, имеет неоспоримые права на наследство, я завещаю ей замок Гнадек в Тюрингии. Анна-Мария не может не сознаться в том, что я оказываю ей благодеяние, оставляя ей приют, с которым тесно связаны воспоминания нашего благородного рода, к которому она также принадлежит. Зная хорошо, что в этом замке всегда царили счастье и благоденствие, и обстоятельно взвесив сей неоспоримый факт, я нахожусь излишним присоединять еще что-либо к этому подарку.*

Если же она не сумеет оценить мой дар и пожелает продать его, то она тотчас же лишается своих прав на замок, который переходит, тогда в собственность сиротского дома в Л.»

Вольф фон Гнадевиц на своем смертном одре приготовил этим завещанием самую язвительную насмешку.

Ни Фербер, ни жена его никогда не видели этого старинного замка, но им, как и всем, было известно, что он представляет собою груду развалин, до которых в течение последних пятидесяти лет не дотрагивалась рука человека.

Вся домашняя утварь, панели и даже медная крыша с главных строений были сняты и перевезены в новый особняк в долине еще в самом начале его постройки.

С тех пор тяжелые запоры и висячие замки на громадных дубовых воротах запылились и заржавели, столетние деревья спокойно росли около серых зданий, и скоро старый покинутый замок, скрывавшийся за зелеными ветвями, стал походить на древнюю мумию в гробу.

Счастливый наследник всего имущества фон Гнадевиц, которому неожиданное наследство – владение среди леса – было крайне неприятно, охотно продал бы за хорошую цену старый замок, но предусмотренная в завещании оговорка не допускала никаких своеволий.

Госпожа Фербер, прочитав доставленную ей копию завещания и уронив на нее несколько горьких слезинок, молча положила ее на письменный стол мужа и снова с рвением принялась за свое вышивание.

Фербер, несмотря на все старания и хлопоты, все еще не мог получить никакого места и принужден был зарабатывать кусок хлеба для семьи дурно оплачиваемыми переводами и перепиской бумаг и нот. Жена помогала ему рукоделием.

Каким бы мрачным не было небо, распростершееся над этой семьей, все же в нем засверкала звездочка, казавшаяся залогом и обещанием благословения, заменяющего все земные блага. Фербер ощущал на себе ее благотворное влияние, когда впервые приблизился к колыбели своей дочурки и бросил нежный взгляд на ее тонкое личико с великолепными глазами, казалось, уже улыбающимися ему.

Прошло несколько лет. Подруги, держа у купели девочку, спорили, кто из них больше любит крестницу, клялись не забывать этого дня, но когда дела Фербера стали совсем плохи, то от обещаний и воспоминаний не осталось и следа.

Этот грустный опыт, приобретенный Елизаветой на девятом году своей жизни, несколько не обеспокоил ее. Добрая фея наделила ее веселым, ровным характером и большой силой воли.

Фербер сам учил свою дочь. Она никогда не ходила ни в школу, ни в институт. Умственные способности Елизаветы быстро развивались под руководством даровитых родителей. Науками она занималась очень серьезно с горячим стремлением основательно знать все, за что она

бралась. Музыкой она занималась усердно и с любовью, с какой обыкновенно человек отдается тому предмету, в котором видит свое призвание.

Вскоре она далеко превзошла свою учительницу – мать, и несмотря на то, что была еще ребенком, заметив мрачное облачко на лице отца, она тотчас же бросала свои игрушки, садилась к нему на колени и рассказывала ему чудные сказки собственного сочинения. Позднее она изгоняла демонов тоски из души отца чудными мелодиями, зарождавшимися в ее душе и переливавшимися, как блестящий жемчуг. Прекрасная игра молодой девушки в мансарде привлекла внимание других обитателей дома. Елизавета получила несколько уроков, а затем ей предложили занятия в институте, благодаря чему она могла значительно облегчить заботы родителей о насущном хлебе.

Теперь мы можем снова продолжать начатый рассказ и последуем за молодой девушкой, спешившей в бурный зимний вечер под родительский кров.

Глава 2

Во время бесконечного пути по улицам Елизавета переживала то наслаждение, которое испытывала каждый раз, входя в свою уютную комнату. У письменного стола, освещенного небольшой лампой, сидел отец, с улыбкой подымавший бледное лицо при звуке шагов дочери. Он брал перо, неумолимо скользившее весь день по бумаге, в левую руку, а правой привлекал к себе дочь и целовал ее в лоб. Мать, сидевшая возле него с рабочей корзинкой в ногах, приветствовала дочь нежной улыбкой и указывала на домашние туфли Елизаветы, заботливо принесенные ею в теплую комнату. В горячей печной трубе пеклись яблоки, а в уютном уголке возле печки, на деревянном столе шипел чайник. Синее пламя спиртовки освещало целый полк оловянных солдатиков, расставленных шестилетним Эрнстом, единственным братом Елизаветы.

Молодая девушка должна была взобраться на четвертый этаж, чтобы достичь узкого темного коридора, ведущего в квартиру ее родителей. Здесь она, сняв шляпу, достала из-под пальто новую детскую шапку, надела ее и в таком виде вошла в комнату, где маленький Эрнст с криком радости бросился ей навстречу.

Сегодня темный уголок у печки был ярко освещен, а на письменном столе было темно. Отец сидел на диване, обняв жену. На их лицах было какое-то необычное выражение, глаза матери были заплаканы, но Елизавета увидела, что это слезы радости. Она с изумлением остановилась в дверях: удивленное лицо и съехавшая набок шапка, вероятно, придавали ей очень комичный вид, так как родители громко расхохотались. Елизавета присоединилась к ним и надела шапку на темные локоны маленького брата.

– На, голубчик, – сказала она, нежно взяв личико мальчика обеими руками и целуя его, – это тебе. Мамочке я тоже кое-что принесла, – с радостной улыбкой продолжала Елизавета, положив на руку матери четыре новеньких талера. – Сегодня я получила свое первое жалованье в институте.

– Ну, что ты! – сказала мать молодой девушке, привлекая ее к себе, – прошлогодняя шапка Эрнста еще совсем прилична, а тебе самой нужны теплые перчатки.

– Мне, мама? Пощупай мои руки, я только что с улицы, а они совсем теплые, как будто грелись у печки. Нет, это было бы излишней роскошью. Наш мальчик так вырос с прошлого года, а его шапка осталась того же размера, а потому этот расход был в данный момент самым необходимым.

– Ах ты, добрая, хорошая Эльза! – с восхищением воскликнул мальчуган, – такой чудной шапочки нет даже у маленького барона с первого этажа. Я ее надену, когда пойду на охоту, правда, папа?

– На охоту? – рассмеялась Елизавета. – Уж не собираешься ли ты стрелять по несчастным воробьям в парке?

– Не угадала, Эльза, – возликовал мальчик и серьезно добавил: – в парке мне этого не позволили бы. Нет, в лесу, в настоящем лесу, где оленей и зайцев не перечесть, так что, когда захочешь застрелить одного из них, даже целиться не надо.

– Я очень хочу знать, как отнесся бы дядя к подобному взгляду на этих благородных животных, – с улыбкой проговорил отец и, взяв со стола письмо, подал его Эльзе со словами: – Прочти его, милое дитя. Это от «лесного» дяди, как ты его называешь, из Тюрингии.

Елизавета пробежала глазами несколько строк, затем стала читать вслух:

«...Князь, которому, по-видимому, кислая капуста с ветчиной кажется более вкусной, чем паштеты, изготавливаемые французом-поваром в его замке Л., провел третьего дня в моем доме много часов. Он был очень хорошо настроен и сказал, что думает взять мне в помощники письмоводителя, так как видит, что на меня возложено слишком много. Тут я воспользовался случаем и рассказал ему о том, как жестоко тебя потрепала судьба в последние годы, так что,

несмотря на все твои таланты и познания, тебе приходится класть зубы на полку. Старик сейчас же понял, к чему я веду, и сказал, что готов взять тебя письмоводителем, потому что он меня... Тут он наговорил мне разных разностей, которые тебе совершенно незачем знать, но которым я, старый дед, так же обрадовался, как на экзаменах в школе, когда наш учитель сказал мне: „Молодец, Карл, ты хорошо сделал свое дело“. Ну-с, его светлость поручил написать тебе об этом и отдал соответствующие распоряжения. Содержание – 350 талеров и готовые дрова. Подумай об этом – все вовсе не так плохо! А зеленый лес, по-моему, во сто крат лучше, чем ваша распроклятая каморка на чердаке, где вечно мяукают кошки и дым из целого миллиона труб постоянно ест глаза.

Только не воображай, пожалуйста, что я тоже из таких подлиз, которые пользуются расположением хозяев, чтобы пристроить своих родственников к теплему местечку. Знай, что если бы ты был не тем, что ты есть, т. е. если бы ты не знал прекрасно своего дела, я скорее откусил бы себе язык, чем стал просить за тебя. Но вместе с тем, я точно так же стал бы ходатайствовать за всякого совершенно постороннего человека, обладающего такими же знаниями, как ты. Не сердись, но ты знаешь, что я враг всего недосказанного и невыясненного.

Однако тут возникает загвоздка, которую следует обсудить. Собственно говоря, ты должен был бы жить у меня. Это оказалось бы вполне возможным, если бы ты был холостяком, которому нужно только четыре стены для собственной персоны и ящик в комод для воротничков и другой дребедени. Однако для целой семьи не найдется места в моей старой берлоге, которая уже давно нуждается в основательном ремонте, хотя высшие мира сего и не подумают об этом, пока она не развалится. Ближайшая деревня находится на расстоянии получаса, а город – в часе ходьбы от лесничества. Это совершенно не подходит, так как ты не можешь бегать в такую даль по скверной погоде, которая часто бывает у нас.

Вследствие этого моей старой домоправительнице Сабине, родившейся в соседней деревне, пришла в голову весьма нелепая мысль. Старый замок Гнадек, „блестящее“ наследие покойного фон Гнадевица, находится близко от нас. Сабина, будучи еще молодой девушкой, что, кстати сказать, было более четверти века тому назад, служила горничной у Гнадевица. В то время новый замок еще не был достроен, и в нем не хватало места для множества гостей, приезжавших каждый год для большой охоты. Тогда немного приводилось в порядок так называемое „среднее здание“ замка Гнадека, это была, вероятно, какая-нибудь постройка, соединяющая два флигеля главной части замка. Сабине приходилось стлать постели и проветривать эти комнаты, причем у нее всегда уходит душа в пятки от страха. Ну, да это на нее похоже, потому что в ее голове целый ворох всяких страшных сказок о ведьмах и нечистой силе, хотя в остальном Сабина – очень порядочная женщина и держит мое хозяйство в образцовой чистоте. Она уверяет, что это среднее здание еще не могло прийти в полное разрушение, потому что в то время было в довольно хорошем состоянии. Возможно, еще удастся устроить там сносную квартиру для тебя и твоей семьи. Но, может быть, твоим детям будет страшно жить в этих дряхлых стенах?

Ты знаешь, как я злился на завещание „блаженной“ памяти господина фон Гнадевица, а потому никак не мог заставить себя пойти посмотреть эту развалюху хотя бы только один раз. Однако после уверений Сабины один из моих лесников должен был вчера влезть на дерево, чтобы заглянуть в это свиное логово. Он сказал, что там черт ногу сломит – так все заросло. Тогда я сегодня утром отправился в городской суд. Однако там без доверенности твоей жены ключей не выдали и вообще, вели себя так, будто в этой старой развалине хранятся невесть какие сокровища. Никто из тех, кто в свое время накладывал печати, не мог сказать мне, что делается в доме, потому что все они предусмотрительно туда не входили из боязни, что какой-нибудь потолок пожелает обрушиться на их мудрые головы, и ограничились тем, что налепили на ворота дюжину печатей с ладонь величиной. Я очень хотел бы осмотреть все это вместе с тобой, а потому решаюсь скорее, забирай своих и собирайся в путь...»

Тут Елизавета опустила письмо и, затаив дыхание, устремила горящий взор на отца.

– Ну, что же ты решил, дорогой отец? – задыхаясь, спросила она.

– Мне довольно тяжело сообщать тебе свое решение, – серьезно проговорил он, – потому что я ясно вижу по твоему лицу, что ты ни за что на свете не согласишься променять прекрасный шумный Б. на лесное уединение. Но, несмотря на это, ты должна узнать, что вот там, на столе, лежит уже запечатанное в конверт мое прошение князю Л... Однако мы готовы принять во внимание и твое желание, а поэтому согласны оставить тебя здесь, если ты...

– Если Елизавета не поедет, так я лучше тоже останусь здесь, – перебил его маленький Эрнст, боязливо прижимаясь к сестре.

– Успокойся, голубчик, – со смехом проговорила Елизавета, – мне уж, наверное, хватит места в экипаже, а если нет, то ведь ты знаешь, что я отважна, как солдат, и умею бегать, как заяц. Компасом мне послужит моя любовь к зеленому лесу, уже с детства занимающая немалый уголок в моем сердце. Таким образом, я мужественно отправлюсь в путь на своих двоих. Ну, что вы сделаете, когда в один прекрасный вечер бедный усталый путник в истоптанных башмаках и с пустыми карманами постучит в старые ворота замка и попросит приюта?

– Конечно, нам придется впустить его, вернее ее, – с улыбкой ответил отец, – если мы не хотим навлечь на свой ветхий дом месть всех добрых духов, охраняющих отважные сердца... Впрочем, тебе, вероятно, придется пройти мимо старого замка и остановиться у некой одинокой избытки в лесу, если ты захочешь найти нас, потому что вряд ли нам удастся устроиться в этих развалинах.

– Этого я тоже побаиваюсь, – заметила мать. – Мы с громадным трудом проберемся сквозь чащу и заросли, как некогда несчастные женихи Спящей красавицы, и наконец найдем...

– Да это поэзия! – воскликнула Елизавета. – Ах, часть очарования нашей жизни в лесу уже исчезнет, если мы не сможем поселиться в старом замке! В какой-нибудь башне, наверное, найдутся четыре крепкие стены и хорошо сохранившаяся крыша, а остальное, поразмыслив хорошенько, можно всегда устроить. Мы заткнем щели мхом, заколотим досками ненужные двери и сами оклеим стены обоями. Растрескавшийся пол мы заклеим собственноручно сплетенными матами из соломы, объявим войну лакомкам в сереньких шубках, которые вздумают сделать набег на нашу кладовую и, вооруженные метлами, смело ринемся на огромных пауков, которые будут висеть над нашими головами.

Погрузившись в мечты о предстоящей жизни в лесу, Елизавета с горящими глазами подошла к роялю и открыла крышку. Это был старый инструмент, издававший старые, хриплые звуки, но «Весенняя песнь» Мендельсона с чарующей нежностью полилась из-под пальцев девушки.

Родители молча сидели на диване, слушая музыку почти с религиозным восторгом. Маленький Эрнст уснул. Буря улеглась, но в окнах виднелся снег, падавший на землю большими хлопьями. Трубы соседних домов, из которых больше уже не шел, клубясь, дым, медленно надевали белый ночной колпак и мрачно смотрели в окна маленькой комнатки, где среди зимней вьюги ликовала радостная весна.

Глава 3

Троица! Слово, которое будет производить чарующее впечатление на человеческие души до тех пор, пока будет цвести хоть одно дерево, раздаваться песнь хоть одного жаворонка и сиять безоблачное голубое небо. Даже под личиной эгоизма, даже под снегом старости, даже в безразличном усталом сердце, отягощенном заботами и горестями, это слово еще находит отклик.

Троица на дворе! В горах Тюрингена веет теплый ветерок, сдувает с их вершин последние остатки снега. Там, где еще несколько недель тому назад гневно бурлили весенние потоки, уже зеленеют яркие ковры мхов, бережно накрывающие наболевшие за зиму раны дряхлых гор и пересекаемые серебристыми нитями веселых ручейков.

По шоссе, вьющемся в живописной долине тюрингенского леса, мчалась нагруженная почтовая карета, в которой семья Фербера направлялась в свое новое жилище. Стояло раннее утро, и ранний звон с какой-то маленькой колокольни возвестил три часа. Елизавета высунулась из душного экипажа и жадно вдыхала свежий лесной воздух, который, как она утверждала, сразу очистил глаза и легкие от городской пыли. Фербер задумчиво сидел напротив дочери. Он наслаждался красотой местности, но еще больше его трогали сияющие глаза молодой девушки, которая удивительно глубоко чувствовала чарующую прелесть природы и была бесконечно благодарна за наступившую перемену обстоятельств.

С каким рвением работали ее прилежные руки, когда, наконец, она получила долгожданную бумагу о назначении Фербера! Елизавета взяла на себя все хлопоты по переезду.

Князь, правда, ассигновал приличную сумму своему новому служащему на дорогу, да и дядя оказал посильную помощь, однако, несмотря на всю расчетливость, этого далеко не хватало, поэтому Елизавета в немногие свободные часы, предназначенные для отдыха, исполняла швейную работу для бельевого магазина и проводила за ней даже многие ночи, о чем и не подозревали мирно спавшие родители.

Эта неустанная деятельность была омрачена лишь одним обстоятельством, стоившим Елизавете немало горьких слез. Оно состояло в том, что пришли два работника и взвалили на плечи ее милый рояль, чтобы отнести его новому владельцу. Его пришлось продать за несколько талеров, потому что ввиду его преклонного возраста он не выдержал бы далекой перевозки. Ах, он был всегда таким верным другом их семьи! Его слабый дрожащий звук был так же мил сердцу молодой хозяйки, как голос ее матери, а теперь по его почтенным клавишам, быть может, будут колотить какие-нибудь шаловливые детские руки и замучают старый инструмент, пока он не заглохнет навеки.

Путешественники в течение получаса ехали по ровному шоссе, затем свернули на проселочную дорогу в густом лесу. Солнце сияло во всей красе и весело смотрело на землю. Около полуночи над этой местностью пронеслась гроза с проливным дождем, и крупные капли еще висели на деревьях и кустах и с шумом падали на крышу экипажа, когда возница задевал кнутом свесившуюся ветку.

Вскоре лес стал редеть, и через некоторое время показался охотничий домик, стоявший на большом зеленом лугу. Возница затрубил в рог, в ответ на это раздался лай собак и большая стая голубей, испугавшись, с шумом поднялась с крыши.

В дверях дома стоял человек в форме лесничего. Это был богатырь с громадной бородой. Мужчина внимательно всмотрелся в экипаж, а затем с громким возгласом сбегал с лестницы, распахнул дверцы кареты и прижал выскочившего Фербера к своей груди. Братья несколько мгновений простояли, обнявшись, затем лесничий, отстранив от себя брата, положил ему руки на плечи и окинул всю его тщедушную фигуру внимательным взглядом.

– Бедный Адольф! – наконец проговорил он, причем его низкий голос слегка дрогнул, – во что превратила тебя жизнь! Ну, подожди, ты поправишься, тут у меня и будешь как рыба в воде – еще время не ушло... – Стараясь совладать со своим волнением, лесничий принялся высаживать из экипажа свою невестку и маленького Эрнста, которого осыпал ласками. – Вы спозаранку двинулись в путь, надо сознаться, что это под силу настоящим мужчинам!

– Какое у тебя мнение о нас, дядя! – отозвалась из экипажа Елизавета. – Мы вовсе не такие сони и прекрасно знаем, каково солнышко, когда оно шлет земле свой утренний привет.

– Вот тебе на! – изумленно воскликнул дядя. – Что это там вздумало рассуждать в углу? Ну-ка, вылезай, маленький мышонок!

– Я – маленькая? Ну, дядечка, ты очень удивишься, когда увидишь, какая я большая девица. – С этими словами Елизавета выскочила из экипажа и, вытянувшись во весь рост, стала на цыпочки около него. Несмотря на то, что ее фигурка было выше среднего роста, получилось впечатление, будто изящная трясогузка вздумала тягаться с величественным орлом.

– Видишь, – добавила она, слегка сбавив тон, – я почти достаю до твоего плеча, а этого для порядочной девушки более чем достаточно.

Дядя, весело улыбаясь, несколько мгновений смотрел на нее сбоку лукавым взглядом, а затем взял ее, как перышко, на руки и под веселый смех остальных понес в дом, где закричал громким голосом:

– Сабина, иди, я покажу тебе, каковы в Б. маленькие птички!

В сенях он осторожно, словно хрупкую игрушку, поставил перепуганную девушку на пол, нежно взял ее голову своими громадными руками, несколько раз поцеловал ее в лоб и воскликнул:

– И этакий лилипут, этакий эльф воображает себя такой же большой, как и ее дядя! Маленькая волшебница, тебе немудрено знать, каково солнце, когда у тебя вся голова покрыта солнечными лучами.

Благодаря быстрому аллюру, которым дядя умчал молодую племянницу, шляпа слетела у нее с головы, так что стали видны необычайно густые белокурые волосы, золотистый оттенок которых резко отличался от совершенно черных бровей и ресниц.

Между тем из боковой двери вышла старушка, а наверху, на площадке лестницы, показалось несколько мужских лиц, но они исчезли тотчас, как только лесничий взглянул наверх.

– Нечего прятаться, я все равно уже видел вас, – со смехом воскликнул он и добавил, обращаясь к брату: – это мои молодцы, они любопытны, как воробьи. Сегодня, положим, их нельзя упрекать за это! – с улыбкой заметил он, искоса посматривая на свою племянницу, которая закладывала распустившиеся косы. Затем, взяв за руку старушку, с комической торжественностью представил ее:

– Девица Сабина Гольцин – министр внутренних дел нашего дома, высшая полиция для всего живущего во дворе и на конюшне лесничества и неограниченная правительница кухонного департамента. Когда она приносит на стол обед, вы смело можете следовать ее зову. Но когда она, чего доброго, начнет вам выкладывать свои рассказы о нечистой силе, бегите от нее, что есть мочи, потому что им не будет конца. – А теперь, – обратился он к смеющейся старухе, которая была чрезвычайно некрасива, но располагала к себе открытым взглядом, неуловимой черточкой веселости у рта и безукоризненной чистотой костюма, – неси скорее сюда все, что у тебя есть! Ведь ты уже испекла пирог, чтобы гостям было что-нибудь свежее к кофе.

С этими словами он указал на кухню и открыл дверь в просторную, светлую угловую комнату.

Все вошли в нее, только Елизавета не могла удержаться, чтобы еще раз не выглянуть в дверь, ведущую во двор. Сквозь белый забор, ограждавший со всех сторон пространство, населенное всякого рода птицей, виднелись пестрые цветочные клумбы, а несколько яблонь, стоявших уже в полном цвету, простирали далеко во двор свои развесистые ветви. Большой сад

подымался в виде террасы по склону горы и, заканчиваясь группой старых буков, примыкал к лесу.

В то время, когда Елизавета, замечтавшись, стояла на пороге дома, одна из дверей открылась и из нее вышла молодая девушка замечательной красоты. Она была немного маловата ростом, зато пара громадных глаз сияла, как звезды, на ее личике. Черные волосы были с видимым кокетством зачесаны кверху; несколько завитков ниспадало на белый лоб классической формы. В костюме проглядывало большое внимание к туалету, а из-под красиво подобранных складок виднелись две изящные ножки, которым, конечно, незачем было прятаться под длинным платьем.

Молодая девушка держала в руках корзину и, доставая из нее хлебные зерна, стала бросать их на землю. Во дворе тотчас же поднялся шум и гам, с крыши прилетели голуби, куры с кудахтаньем оставили свои насесты, а дворовая собака также сочла обязанностью принять участие в общем переполохе и залаяла. Елизавета была изумлена. Дядя, правда, имел жену, но у него никогда не было детей. Кто же эта девушка, о которой он никогда не упоминал даже в своих письмах?

Она спустилась со ступенек и подошла ближе к молодой незнакомке.

– Вы тоже здесь живете? – приветливо спросила она. Черные глаза пристально уставились на Елизавету, и в них на минуту появилось выражение большого удивления, но тотчас у рта возникла высокомерная складка и тонкие губы сжались еще плотнее. Незнакомка опустила веки и молча спокойно продолжала бросать зерна, как будто никого не было около нее.

В эту минуту Сабина, неся в руках поднос с кофейными чашками, прошла мимо дверей и поманила к себе глубоко пораженную Елизавету. Когда та подошла к старухе, последняя, взяв ее за руку, заставила войти в дом, проговорив:

– Идите сюда, деточка, вам тут нечего делать.

В столовой все сидели уже так дружно и непринужденно, как будто собирались там изо дня в день. Мать поместилась в удобном кресле, пододвинутом ее зятем к окну, из которого открывался прекрасный вид на лес. Большая кошка устроилась у нее на коленях, с видимым удовольствием давая себя гладить. Все стены столовой являлись для Эрнста сокровищницей различных интересных предметов. Он лазил со стула на стул и в эту минуту стоял в безмолвном восторге перед большим стеклянным ящиком, заключавшим в себе прекрасную коллекцию бабочек... Оба брата сидели на диване, беседуя о будущем местожительстве вновь прибывших. Елизавета услышала, как дядя сказал:

– Если на горе нельзя будет устроить квартиру, вы пока поместитесь наверху, в моей комнате. Я перенесу свой письменный стол и другие пожитки вниз и буду так долго надоедать в городе, пока мне не надстроят во флигеле второго этажа.

Елизавета сняла дорожный плащ и стала помогать Сабине накрывать на стол. Радостное настроение было только что омрачено – к ней еще никто и никогда не относился так недружелюбно, как черноглазая девушка во дворе. Она так обрадовалась и удивилась, встретив здесь девушку своих лет, что отпор, данный ей, причинил сильную боль. Но, тем не менее, красота незнакомки возбудила в ней живейший интерес.

Задумчивое выражение лица Елизаветы тотчас же обратило на себя внимание матери, она подозвала к себе дочь, и та начала рассказывать о своей встрече. При первых же словах племянницы лесничий обернулся к ней, и его лицо помрачнело.

– Так ты уже видела ее? – спросил он. – В таком случае, расскажу вам, кто она. Я взял ее к себе в дом в помощь Сабине несколько лет тому назад. Зовут ее Берта. Это дальняя родственница моей жены, круглая сирота. Я хотел сделать доброе дело, а вместо этого надел себе петлю на шею. Уже с первых дней я заметил, что у нее в голове нет ни одной здоровой мысли, все только нелепости и высокомерие. Мне хотелось отправить ее обратно туда, откуда она явилась, но за нее стала просить Сабина, хотя у нее не было для этого ни малейшего основа-

ния, так как девчонка доставляла ей много хлопот и на каждом шагу давала ей почувствовать, что она родственница барина. Я старался заставить ее больше работать, чтобы изгнать из нее беса высокомерия, и дело как будто наладилось. Но по соседству в Линдгоре (это бывшее владение Гнадевицев, которое наследники продали некоему господину фон Вальде) с год тому назад поселилась баронесса Лессен. Сам владелец человек холостой, какой-то археолог, который почти все время путешествует и оставил свою единственную незамужнюю сестру на попечении этой баронессы. Не дай, Господи! С тех пор там все идет шиворот-навыворот. Баронесса мнит себя очень благочестивой и от ханжества стала жестокой, черствой и бессердечной. Всех, кто постоянно не опускает глаз к земле, а подымает их вверх, где ищут своего Господа, она злобно преследует, как собака дичь. Она познакомилась с одной из горничных и стала проводить там все свободное время. Сначала я не обратил на это внимания, но тут она вздумала наставлять на путь истинный и нас. Сабина оказалась недостаточно набожной, потому что по десяти раз в день не бросала своей работы и не начинала молиться. Мне она тоже попробовала проповедовать, но я в ответ на это запретил ей всякое общение с Линдгофом. Это, конечно, мало помогло, потому что племянница пользуется каждым удобным моментом, чтобы потихоньку сбежать туда. О какой-нибудь благодарности за то, что я о ней забочусь, и помышлять нечего. Между мною и ей нет ничего общего, а потому вдвойне тяжело опекать ее, Бог знает, что за нелепая мысль пришла ей в голову, но вот уже два месяца она совершенно нема, не произнесла ни звука. Ни строгости, ни убеждения – ничего не помогает. Она по-прежнему исполняет свои обязанности, ест и пьет, как и всякий здоровый человек и ни на йоту не стала менее тщеславной, чем прежде. Ввиду того, что она немного побледнела, я обратился за советом к врачу. Он сказал мне, что физически она здорова, но очень экзальтирована, и так как в ее семье было несколько случаев умопомешательства, то лучше предоставить ей свободу. Со временем ей самой надоест молчать, и она начнет болтать, как сорока. Ну, милая златокудрая головка, – обратился он к Елизавете, проведя рукой по ее лбу, как бы желая отогнать от нее все мрачные мысли, – отодвинь-ка кресло своей мамы сюда, подвяжи салфетку этому молодцу и будем завтракать. Потом отдохнете немного после утомительного пути. А после обеда мы отправимся наверх, в Гнадек. Будет очень полезно, если ваши глаза сначала подкрепятся сном, а то, пожалуй, они не перенесут блеска, который нам, вероятно, придется там увидеть.

После завтрака, пока отец и мать отдохали, а маленький Эрнст видел во сне все чудеса, встреченные им в домике лесничего, Елизавета раскладывала вещи. Она не могла уснуть, беспрестанно подходила к окну и смотрела на покрытую лесом гору, возвышающуюся за домом дяди. Там, наверху, среди деревьев виднелась на ярком голубом небе черная полоса. Это был, как сказала ей Сабина, возвышавшийся на крыше замка Гнадек железный стержень, на котором в былые времена гордо развевался флаг Гнадевицев. Найдется ли там, за деревьями, так горячо желанный приют, где ее родители смогут отдохнуть после многолетних, утомительных скитаний?

Взгляд Елизаветы временами скользил и по двору, но безмолвная девушка больше не показывалась. Она не появилась и за обедом, и, казалось, решила избегать всякого общения с гостями. Елизавете было очень жаль Берту: рассказ дяди произвел на нее неприятное впечатление, но молодость не так легко отказывается от своих иллюзий и предпочитает разочаровываться, видя, что они разлетаются, как мыльные пузыри, чем принимать к сведению слова старших.

Молодая немая девушка приобрела в глазах Елизаветы только еще больший интерес, и она терялась в догадках относительно причин ее загадочного молчания.

Глава 4

После обеда Сабина взяла с полки туго набитую трубку и с зажженной бумажкой подала ее дяде.

– Что ты, Сабина? – воскликнул тот с комическим негодованием. – Неужели ты думаешь, что я буду в состоянии спокойно выкурить трубку, когда у маленькой Эльзы уже ноги не стоят на месте от нетерпения поскорее подняться на гору и сунуть носик в замок? Нет, я думаю, теперь мы можем отправиться в путь.

Все начали готовиться к отправлению. Лесничий предложил руку невестке, а остальные двинулись за ним. На дворе присоединился еще один человек – каменщик, которого дядюшка на всякий случай хотел иметь под рукой.

Пришлось подниматься в гору по крутой дорожке, однако она стала постепенно расширяться и, наконец, закончилась небольшой площадкой, за которой возвышалась, как казалось на первый взгляд, большая скала.

– Имею удовольствие представить тебе наследие блаженной памяти господина фон Гнадевица во всем его великолепии, – с саркастической улыбкой проговорил лесничий, обращаясь к изумленному Ферберу.

Они стояли перед высокой стеной, производившей впечатление одной целой гранитной громады. От зданий, лежащих позади нее, не было видно и следа, потому что их закрывали подступившие вплотную деревья. Лесничий пошел вдоль стены и остановился, наконец, около огромных дубовых ворот, заканчивавшихся железной решеткой, где он уже накануне приказал расчистить кусты. Здесь он достал из кармана связку ключей, которую госпожа Фербер получила проездом через Л.

Понадобилось немало усилий для того, чтобы очистить от ржавчины замки и засовы. Наконец, ворота поддались, подняв облако пыли. Вошедшие очутились во дворе, с трех сторон окруженном зданиями.

Перед ними возвышался величественный фасад замка, к которому вела широкая каменная лестница с тяжеловесными железными перилами. Вдоль боковых флигелей тянулась мрачная колоннада, гранитные колонны и арки которой, казалось, решили оказать сопротивление времени. Несколько старых каштанов посреди двора простирали свои тощие ветви над громадным бассейном, в центре которого возвышались четыре каменных льва с разинутыми пастьми. В былые времена здесь, вероятно, били четыре фонтана, теперь же меж зубов одного из грозных чудовищ бежала лишь тоненькая струйка, своим тихим меланхоличным журчанием вносящая некоторое подобие жизни в эту картину полного упадка. Наружные стены зданий и колоннады были единственными предметами, на которых мог безбоязненно остановиться взгляд. Окна без стекол давали возможность видеть ужасное разрушение внутри зданий. В некоторых комнатах обвалились потолки, в других висели балки, готовые обрушиться при малейшем прикосновении. Лестница местами угрожающе висела в воздухе; некоторые большие, поросшие мхом камни, оторвавшись, докатились до самой середины двора.

– Тут ничего не сделаешь, пойдем дальше, – сказал Фербер.

Миновав арку, они прошли во второй двор, который был гораздо больше первого, но вследствие своей неправильной формы производил еще худшее впечатление. Большое, мрачное, полуразвалившееся строение далеко вдавалось в этот двор и образовало совершенно темный угол, куда не проникал ни один луч солнечного света. Тут возвышалась неприветливая башня, бросающая густую тень на прилегающий боковой флигель. Старый куст бузины, листья которого были покрыты осыпавшейся известкой, и несколько пучков жухлой травы придавали этому месту еще более унылый вид. Ни один звук не нарушал мертвой тишины, царившей

здесь, а потому даже шорох собственных шагов, гулко раздававшийся на мостовой, произвел на вошедших жуткое впечатление.

– Эти могущественные господа возводили каменные громады, думая, что колыбель их рода нерушима и будет во все времена возвещать миру славу их имени, – вздохнул Фербер, на которого столь полный упадок произвел сильное впечатление. – Каждый из них, как это видно по различным стилям построек, устраивал родовой замок сообразно своим вкусам и потребностям, не думая, что этому когда-то наступит конец.

– И все же ему пришлось прожить лишь краткое мгновение, – перебил его лесничий. – Но пойдем дальше. Бр-р... Мне холодно... Здесь царит смерть и запустение...

– Ты называешь это смертью, дядя? – внезапно подала голос Елизавета, указывая на одну из арок.

Там за решеткой виднелась залитая солнцем яркая зелень, и между железными прутьями выглядывали душистые цветы шиповника.

Елизавета в несколько прыжков очутилась около ворот, и, сильно дернув, отворила их. Довольно большая площадка, на которой она очутилась, видимо, когда-то представляла собой сад. Теперь уже нельзя было дать это имя чаще, сквозь которую никто бы не продрался. Кое-где сквозь заросли кустов, переплетенных выющимися растениями, виднелись изуродованные статуи. Дикий виноград покрывал до самого верха стену прилегающего здания, обвивая подоконники и ниспадая оттуда зеленым дождем на одичавшие кусты роз и сирени. Над этим отрезанным от мира кусочком земли раздавалось невообразимое жужжание, в воздухе носилось бесчисленное множество бабочек, а по гигантским папоротникам бегала масса блестящих жучков. Сад был с трех сторон окружен двухэтажными зданиями, а с четвертой замыкался валом, за которым виднелся лес. Постройки и тут носили тот же характер – довольно хорошо сохранившиеся стены снаружи и полнейшее разрушение внутри. Только единственное одноэтажное здание, стиснутое двумя высокими флигелями, имело совсем другой вид. Оно не было прозрачным, как другие постройки, лишённые окон и дверей. Плоская крыша с кружевными каменными выступами, очевидно, одержала победу над бурями и непогодой. Лесничий высказал предположение, что это, очевидно, и есть то самое хваленое «среднее здание» Сабины. Может быть, оно и внутри не было в таком безнадежном состоянии, как остальные постройки. Только дядя совершенно не мог постичь, каким образом можно было добраться до этого «ласточкиного гнезда», так как нигде не было видно ни лестницы, ни дверей – все покрывала непроницаемая зеленая стена. Вследствие этого приехавшие решили подняться по лестнице одного из боковых флигелей, еще довольно крепкой, и таким образом добраться через обветшавшие постройки до цели, составлявшей главную надежду семьи. Это им удалось.

Все вошли в большой зал, потолком которому служило голубое небо, а единственным украшением – несколько зеленых кустов, выросших на стенах. Разрушенные балки, части крыши, куски потолка со следами живописи образовали целые завалы, через которые пришлось перелезть нашим путешественникам. Затем последовал ряд комнат, в таком же «блестящем» состоянии. На стенах виднелись клочки семейных портретов, на одних из которых оставался только глаз, на других – две скрещенные женские руки или мужская нога в театральной позе, что производило комичное и вместе с тем жуткое впечатление. Наконец, добрались до последней комнаты и очутились перед заложенной дверью.

– Ага, – сказал Фербер, – тут хотели предохранить среднее здание от всеобщего разрушения. Я думаю, разумнее разобрать эти кирпичи, чем продолжать наши опасные изыскания.

Это предложение было одобрено, и каменщик приступил к делу. Оба брата усердно помогали, и вскоре в полуразрушенной стене показалась толстая дубовая дверь, которая легко поддалась напору мужчин. Все вошли в темное, затхлое помещение. Только слабый луч света проникал в узкую щель и указывал направление, в котором находилось окно. Оконная задвижка и ставни, плотно прижатые снаружи ветвями деревьев, оказали упорное сопротивление усилиям

лесничего, но наконец они с визгом зашатались и в окно ворвался яркий солнечный свет, озарив очень глубокую комнату, окна которой завешивались гобеленами. На потолке красовался в каждом углу герб Гнадевицев.

К всеобщему удивлению, комната оказалась полностью меблированной спальней. У стены стояли две постели под пологом, на них лежали шелковые стеганые одеяла и полотняное белье. Все предметы, необходимые для удобства богатых людей, были здесь налицо, хоть и покрытые слоем пыли, но вполне годные к употреблению. К этой комнате примыкала другая, с двумя окнами. Она также была обставлена, причем мебель, как видно, привозили отовсюду. Старинный письменный стол с вычурными точеными ножками и художественной мозаичной доской не подходил к обитому красной материей дивану гораздо более современного фасона. Золотые рамы картин, висевших на стенах и изображавших сцены из охотничьей жизни, не гармонировали с посеребренной оправой большого венецианского зеркала. Но тем не менее, в комнате было все необходимое для того, чтобы сделать ее уютной. На полу даже лежал ковер, хотя и немного поблекший, а под зеркалами стояли красивые старинные часы. Затем следовал небольшой, также меблированный кабинет, дверь из которого вела в переднюю, на лестницу. Позади этой комнаты находилась прихожая, два окна выходили в сад. В одной из боковых комнат, предназначавшейся, очевидно, для прислуги, стояла простая сосновая мебель и две кровати.

– Черт возьми! – поразился лесничий. – Мы нашли тут такие богатства, о которых и мечтать не смели. Если бы покойник узнал это, то, наверное, перевернулся бы в своем гробу. Всеми этими сокровищами мы обязаны, видно, какой-нибудь нерадивой ключнице или забывчивости дворецкого.

– А можем ли мы взять их себе? – в один голос спросили Елизавета и госпожа Фербер, которые до сих пор не могли вымолвить ни слова от радостного изумления.

– Конечно, милая, – успокоил жену Фербер. – Дядя завещал тебе замок со всем, что в нем находится.

– Нельзя сказать, чтобы это было слишком много, – проворчал лесничий.

– Но сравнительно с нашими ожиданиями – настоящий клад, – проговорила госпожа Фербер, открывая красивый шкаф, где стояла различная фарфоровая посуда очень хорошего качества, – и если бы тогда, когда я еще бодро и с надеждой смотрела на жизнь, дядя оставил мне наследство, это, наверное, не произвело бы на меня большего впечатления, чем сегодняшнее открытие, избавляющее нас от многих хлопот.

Елизавета высунулась в окно первой комнаты и старалась раздвинуть руками ветви, загораживающие окно всего фасада и пропускавшие в комнаты только зеленоватый полусвет.

– Как жаль! – произнесла она, убедившись в тщетности своих попыток. – Мне хотелось хоть немного видеть лес.

– Неужели ты думаешь, что я оставлю вас за этими зелеными баррикадами, вовсе не пропускающими свежего воздуха? – ободрил ее лесничий. – Это сегодня же будет устранено.

Они спустились по лестнице, которая вела в большую комнату. Посреди нее стоял стол, окруженный высокими стульями. Пол был выложен плитками, а стены и потолок украшены затейливой резьбой. В этом зале были четыре окна и две двери. Одна из них вела в сад, а другая выходила на узкую площадку, лежавшую перед домом и совсем заросшую кустами орешника и сирени. Мужчинам удалось пролезть сквозь эту чащу и они очутились около небольшой калитки, ведущей через ограду в лес.

– Прекрасно, – обрадовался Фербер. – Теперь конец всем колебаниям. Этот выход имеет большое значение – нам не нужно будет переходить по дворам, пробираться окружным путем через ветхие строения, что было бы очень сложно да и не безопасно.

Квартиру обсудили еще раз, осмотрели и стали распределять комнаты. Каменщику было предложено на другой день заняться устройством кухни в одной из задних комнат. Тщательно заперев ведущую в большой флигель дверь, все отправились в обратный путь.

В саду лесничества вернувшихся встретили Сабина и оставленный на ее попечение маленький Эрнст, который с нетерпением ожидал их. Старушка накрыла стол для кофе на площадке перед замком, под буками. Ей очень хотелось знать, как обстоят дела наверху. Выслушав рассказ обо всем, она радостно воскликнула:

– Ах, господи! Видите, господин лесничий, ведь я была права! Видите, все эти вещи были позабыты. Ну, да это и не диво. Когда засыпали землей молодого господина фон Гнадевица, старый барин уехал сломя голову и забрал с собой всю прислугу. Остался только старый управляющий Зильбер. Он под конец совсем выжил из ума. Да и в новом дворце была такая масса всяких вещей, что ему было довольно заботы следить, чтобы ничего не пропало. А наверху все так и осталось, и ни одна душа про то не знала. Господи, помилуй, ведь все эти вещи прошли через мои руки, я вытирала пыль и чистила их. А этих часов я всегда боялась, потому что они играли какую-то печальную музыкальную пьесу, когда били, и она звучала уныло-уныло в этих комнатах, где я была одна-одинешенька. Да, тогда я была еще молода! И куда только ушло время!..

Все уютно устроились пить кофе и мирно обсуждали, что предпринять. Елизавета сказала, что не может представить себе ничего более восхитительного, как в первый день Троицы проснуться там, наверху, под звон колоколов, доносящихся из ближайших деревень. Мать присоединилась к ней, а потому было решено на следующий же день приступить к работе, чтобы уже накануне Троицы переехать в новую квартиру.

Сабина примостилась невдалеке на сосновой скамейке, чтобы быть под рукой, если что-нибудь понадобится. Она не любила сидеть, сложа руки и, вытащив из грядки пучок молодой морковки, принялась мыть и скоблить ее. Елизавета села возле нее. Старушка бросила лукавый взгляд на тонкие белые пальцы, взявшие у нее несколько морковок, и сказала:

– Оставьте, эта работа не для вас – от нее желтеют ладони.

– Меня это несколько не смущает, – рассмеялась Елизавета. – Я помогу вам, а вы расскажите мне что-нибудь. Вы здешняя и, наверное, знаете кое-что из истории старого замка.

– А то как же, – с радостью отозвалась старая ключница. – Ведь Линдгоф, где я родилась, принадлежал Гнадевицам с незапамятных времен. Да и, видите ли, в таком маленьком местечке все вертится около господ, которым оно принадлежит. Тут уж ничего не упустят из того, что делается в господском доме, и рассказы об этом передаются из рода в род. Господ уже давно и в живых-то нет, а парни и девушки все еще рассказывают друг другу разные истории про них. Вот, например, моя покойная прабабушка, которую я еще хорошо помню, знала вещи, от которых волосы дыбом на голове становились. Она питала огромное почтение к господам и всегда заставляла меня кланяться чуть ли не до земли, когда они проезжали мимо. Она знала имена всех господ, живших в замке с самых незапамятных времен. Много из того, что творилось там, противно законам Божьим и земным.

Когда я позднее попала в новый замок и должна была убирать большие залы, где находились все портреты, от которых и пылинки теперь не осталось, я часто стояла перед ними и удивлялась, что у них такой же вид, как и у других людей, а важничали они так, словно Господь Бог собственноручно принес их на землю. Красавиц среди барынь тоже не было. Я по своей глупости часто думала, что если бы красавица Лиза, самая красивая девушка из нашей деревни, села бы в такую золотую рамку, нарядилась бы в такое платье да нацепила столько драгоценных камней на грудь и в волосы, и позади нее встал такой же арап с подносом, что был на портрете, она была бы в тысячу раз красивее, чем барыня, выглядевшая настоящим уродом. Но ею больше всего гордился весь их род. Она являлась графиней, богатой-пребогатой, но жестокой и бесчувственной, как камень.

Среди мужчин был только один, на которого я смотрела с удовольствием. У него на милом открытом лице сверкала пара глаз, черных, как уголь. Но на нем оправдалась поговорка, что хорошим людям больше всех приходится выносить на свете. Другим жилось прекрасно, хотя они много зла наделали на своем веку, а у Йоста Гнадевица была очень печальная судьба. Бабушка моей прабабушки знала его, когда была еще ребенком. Он, страстный охотник, весь день проводил в лесу. На портрете его изобразили в зеленом охотничьем костюме с белым пером на шляпе. Он был очень добр, и никому не сделал зла. При нем в деревне жилось очень хорошо и все желали, чтобы всегда так было. Но вдруг он уехал, и никто не знал, куда он девался, пока как-то раз темной ночью он не вернулся обратно. С той поры он совсем изменился, его никто больше не видел. Он удалил всю прислугу и остался в замке один со своим старым слугой. Тогда пошел слух, что он занялся чернокнижием, и все стали бояться ходить на гору даже днем, не говоря уж о ночи.

Моя старая прабабушка в молодости слыла очень бойкой и всегда пасла своих коз наверху, под стенами замка. Раз она, замечтавшись, сидела под деревом, смотрела на стены и думала о том, что там творится. Вдруг наверху показалась рука, белая, как снег, а затем лицо – прабабушка рассказывала, что оно было красивее солнца, месяца и звезд, – потом в окне появилась молодая девушка и что-то крикнула. Но прабабушка не могла понять, что же именно. Красавица хотела спрыгнуть со стены в ров с водой, который в те времена окружал весь замок. Но тут появился Йост, схватил девушку и стал бороться с нею, просить и умолять так, что камень сжалился бы над ним. Он взял ее на руки, как ребенка и исчез. Однако девушка потеряла свой шарф, который упал вниз и долетел до прабабушки. Он был очень красив и дорог, и прабабушка взяла его домой, но ее отец испугался, что он, может быть, заколдован, и сжег его в печке, а прабабушка не смела больше ходить на гору.

Прошел, вероятно, год с той поры, как Йост Гнадевиц стал жить уединенно. Как-то однажды он спустился с горы верхом на лошади, но никто не мог узнать его – так он изменился в лице. Он ехал медленно и печально кланялся всем, кто попадался ему навстречу. С тех пор он исчез и больше не возвращался. Его убили в сражении и его старый слуга тоже погиб... В то время шла Тридцатилетняя война.

– А девушка? – поинтересовалась Елизавета.

– Она бесследно исчезла. Пост оставил в ратуше, в Л., большой запечатанный пакет, сказав, что это его последняя воля, и велел вскрыть его, когда придет известие о его смерти. Но вскоре случился большой пожар. Много домов, церквей и ратуша сгорели дотла. Пакет конечно, тоже. Говорили, что в последнее время линдгофский пастор был наверху, в замке, проводя розыски, но он хранил гробовое молчание. Он был уже стар и скоро умер, унеся с собой в могилу эту тайну... Так что никто и никогда не узнает, что это была за девушка.

– Не стесняйся, Сабина! – крикнул ключнице лесничий. – Пусть уж Эльза сразу привыкает к твоим историям со страшным концом, так что говори уж. Ты ведь превосходно знаешь, что эта красавица в один прекрасный день вылетела на метле в трубу.

– Нет, господин лесничий, этого я не думаю. Если я...

– И могу поклясться, что все окрестности кишат ведьмами, которым только и место, что на костре, – перебил ее лесничий. – Да-да, – обратился он к остальным, – Сабина еще старой тюрингенской закваски. В общем нельзя сказать, чтобы у нее голова была не на месте, да и сердце тоже, но как только дело доходит до ведьм, она сразу теряет и то, и другое, и в состоянии прогнать какую-нибудь нищую старуху, не дав ей даже ломтя хлеба, только потому, что у нее красные глаза.

– Ну, до этого не доходит, господин лесничий, – обиделась старушка. – Я ее накормлю, но подожду большие пальцы рук и не стану отвечать ни да, ни нет, за это никто меня обвинить не сможет.

Все посмеялись над этим средством против колдовства, а старая ключница, стряхнув с передника остатки моркови, принялась готовить ужин.

Глава 5

Когда на следующее утро Елизавета открыла глаза, большие настенные часы в столовой били восемь и она убедилась, что проспала – в этом был виноват тяжелый сон, который девушка увидела под утро. Ей снилось, что она в страхе бежит по большим пустынным залам старого замка, потому что за ней гонится Йост фон Гнадевиц, черные глаза которого зловеще блестят, а волосы стоят дыбом над мертвенно-бледным лицом. Она в ужасе протянула руки, чтобы оттолкнуть его и... проснулась. Сердце Елизаветы усиленно билось, и она с содроганием думала о несчастной, которую прабабушка Сабина видела тогда в окне и которая в отчаянии искала там смерть, но в последнюю минуту была настигнута своим преследователем.

Елизавета вскочила с постели, освежила свое пылающее лицо прохладной водой и, открыв окно, выглянула во двор. Там, под развесистой грушей, сидела Сабина и сбивала масло. Вокруг собралась вся куриная армия и с ожиданием посматривала на нее, так как старушка время от времени бросала птицам кусочки хлеба с маслом, лежащим возле нее на столе, при этом усердно бранила дерзких и ободряла более робких. Увидев молодую девушку, Сабина приветливо кивнула ей и крикнула, что все в лесничестве, у кого только есть руки и ноги, уже с шести часов утра прилежно работают в старом замке. В ответ на упреки Елизаветы, почему ее не разбудили, она сказала, что это было желание мамы, так как ее дочка и без того работала не по силам все последнее время.

Доброе спокойное лицо Сабина и утренний воздух тотчас успокоили нервы девушки и вернули ее к действительности. Быстро одевшись, выпив стакан парного молока, она поспешила на гору. Небо покрывали светлые облачка, предвещавшие светлый весенний день, птицы еще не закончили свой утренний концерт, а капельки росы еще сверкали на цветочных лепестках.

Как только Елизавета вошла во двор замка, ей тотчас же бросился в глаза большой зеленый холм, возвышавшийся над фонтаном. Сад совершенно преобразился. Значительная часть его была расчищена, и в ней виднелись остатки клумб и причудливых дорожек. По одной из них Елизавете удалось добраться до заросшего травой вала. По обеим сторонам его виднелись полуразвалившиеся лестницы, ведущие наверх, к большому парапету. Здесь деревья немного расступились и открывали прекрасный вид на долину, где на зеленом лугу виднелся большой дом лесничего и стая белых голубей на его крыше. У подножия вала, в конце дорожки, находился небольшой бассейн, в который поросший мхом каменный гном лил сильную струю чистой воды. Две старые липы склонились над ним и бросали благодатную тень на нежные незабудки.

Против этого вала находилось среднее здание, которое сегодня, благодаря открытым ставням и широко распахнутой двери, имело такой гостеприимный вид, что Елизаветой овладело приятное чувство при мысли, что она здесь дома. Она окинула взглядом весь сад и вспомнила свои детские годы, те минуты необъяснимой тоски, когда она, отстав во время прогулки от родителей, останавливалась у запертых калиток и заглядывала в барские сады. Там играли счастливые дети, они могли рвать только что распустившиеся розы и нарциссы, а как приятно, должно быть, гулять по красивым аллеям и прятаться от солнца в их густой тени. Тогда она могла только мечтать и тосковать.

Когда она подошла к валу, в одном из окон показался дядя. Он увидел племянницу, мечтательно смотревшую в сад, и на его лице появилось выражение теплой нежности. Елизавета тоже увидела лесничего, приветливо кивнула ему и направилась к дому. Навстречу ей выскочил Эрнст, и она со смехом схватила его в объятия.

Судя по рассказам мальчика, можно было заключить, что он уже успел выполнить гигантскую работу: он носил кирпичи печнику, складывающему кухонный очаг, помогал маме выко-

лачивать мебель и с гордостью заявил, что дамы и кавалеры, изображенные на стенах, стали гораздо красивее и приветливее после того, как он почистил щеткой их пыльные лица. Он с восторгом обвил ручонками шею сестры, несущей его на руках по лестнице, и радостно уверял, что здесь в тысячу раз лучше, чем в городе.

Дядя встретил Елизавету в передней, он едва дал ей время поздороваться с родителями и повел ее в комнату с гобеленами. Какая перемена! Переплет зелени исчез с окон, по ту сторону стены лес расступился в обе стороны и открывал вид на прекрасную долину, казавшуюся молодой хозяйке сказочной.

– Это – Линдгоф, – объявил дядя, указывая на огромное здание в итальянском стиле, лежавшее у подножья горы, на которой стоял Гнадек. – Я принес тут тебе нечто такое, что поможет тебе рассмотреть всякое дерево на горах и каждую травинку в долине, – продолжал он, приставляя к глазам девушки подзорную трубу.

Елизавета увидела в нее высокие хмурые горы, по долине серебрилась речка, и вилось обрамленное тополями шоссе. Деревушки оживляли задний фон долины.

На переднем плане находился особняк Линдгоф, окруженный обширным парком. Под окнами парка расстилалась лужайка, а на ней пестрели причудливые клумбы с яркими тюльпанами. Взгляд Елизаветы с удовольствием остановился на группе старых лип, густая и яркая зелень которых образовывала навес над темными стволами, дальше виднелся большой зеркальный пруд, окруженный парком. В его водах отражались прибрежные деревья, что придавало ему несколько меланхолический характер. Время от времени в таинственной тени аллеи по глади пруда проплывал белый лебедь, с любопытством протягивающий в воду шею и обдающий вековые стволы дождем серебристых брызг со своих крыльев.

Под последним деревом аллеи стояла кушетка, на которой лежала молодая женщина. Она откинула назад свою прелестную головку, так что волна длинных каштановых волос ниспадала на спинку кушетки. Из-под подола белого кисейного платья выглядывали стройные ножки в бронзовых туфельках. В тонких пальцах незнакомка держала какие-то странные предметы, которые машинально теребила. Ее лицо было белым, словно лилия, и только тонкие губы имели красноватый оттенок. Можно было усомниться, что это лицо живого человека, если бы не чудесные глаза на нем. Эти глаза были направлены на мужчину, сидевшего напротив и, по видимому, читавший вслух. Его лицо Елизавета не могла рассмотреть, потому что он сидел к ней спиной. С виду это был высокий стройный молодой человек с густыми белокурыми волосами.

– Эта прелестная дама там, внизу – баронесса Лессен? – с живым интересом спросила Елизавета.

– Нет, – ответил лесничий, взяв подзорную трубу, – это барышня фон Вальде, сестра владельца Линдгофа. Ты назвала ее прелестной?.. Головка действительно очень красива, но она – калека и ходит на костылях.

В эту минуту в комнату вошла госпожа Фербер. Она тоже посмотрела в подзорную трубу и нашла молодую девушку хорошенькой, причем обратила внимание на выражение бесконечной доброты на ее лице.

– Да, – ответил лесничий, – говорят, она очень добра и кротка. Когда она поселилась здесь, все в один голос хвалили ее, но с тех пор, как баронесса Лессен забрала бразды правления в свои руки, все изменилось. Она повсюду сует свой нос. Горе бедняку, обратившемуся туда за помощью – он не получит ни гроша, но будет награжден потоком язвительных замечаний, если обнаружится, что он предпочитает ходить в церковь к нашему старому пастору, чем слушать в часовне замка проповеди кандидата, домашнего учителя баронессы, который каждое воскресенье посылает громы и молнии проклятий на головы безбожников.

– Такие принудительные меры – очень плохое средство для укрепления веры в народе, – заметила госпожа Фербер.

– Они совершенно убьют ее и разовьют только ханжество уже одним тем, что сами подадут дурной пример, – с гневом воскликнул лесничий. – Они целыми днями читают в Библии о христианском смирении, а сами становятся все высокомернее. Они даже стараются уверить всех, что их благородное тело состряпано совсем по-другому, чем брентная оболочка их братьев во Христе. Они устраивают благотворительные лотереи, подписки и так далее, причем грабят всю округу, но чтобы взять из собственного кармана... Не тут-то было! О, как меня злит, когда люди выставляют всем напоказ свое мнимое благочестие! Там, в замке, поминутно звонит колокольчик, – тогда уже всем в окрестности известно, что «господа молятся». Хотел бы я знать, что чувствует при звуке этого колокольчика какая-нибудь горничная, у которой в руках раскаленный утюг, или повар, только что посадивший в печь нежное жаркое.

– Да, я очень сомневаюсь, в их молитвенном рвении в такие минуты, – с улыбкой заметила госпожа Фербер. – А господин фон Вальде одобряет эти нововведения баронессы Лессен?

– Судя по тому, что я о нем слышал, вряд ли. Но что из этого? Он в данное время исследует пирамиды, чтобы пролить свет на давно прошедшие времена; откуда он знает, что его достопочтенная двоюродная сестра в своем христианском усердии старается затушить сомнительный свет настоящего. Да он, кажется, тоже не без причуд. Князь Л., который к нему очень расположен, в былые годы весьма желал завлечь его сюда браком с одной придворной дамой, но фон Вальде отказался, как говорят, только потому, что у нее не было достаточного количества предков.

– Ну, тогда может случиться, что он привезет сюда какую-нибудь прелестную феллашку, предки которой покоятся среди мумий где-нибудь в Мемфисе, – со смехом воскликнула Елизавета.

– Не думаю, чтобы он вообще когда-нибудь женился, – возразил дядя. – Он уже не первой молодости, привык к кочевой жизни, да и, говорят, никогда особенно не возился с женщинами. Я готов отдать голову на отсечение, что этот, там, внизу, уже давно считает своей собственностью Линдгоф и все другие поместья в Саксонии и невесть еще где.

– Разве он имеет на них какие-то права? – спросила госпожа Фербер.

– Конечно, это сын баронессы Лессен. Кроме этой семьи у брата и сестры фон Вальде нет никаких родственников. Баронесса была раньше замужем за неким господином фон Гольфельдом, от этого брака у нее родился молодой человек, сидящий там, внизу. Ему после ранней смерти отца досталось громадное имение Оденбург по ту сторону Н... Молодая вдова скоро вторично вышла замуж за барона Лессена. Правда, его имя было окружено сомнительной славой, но это не имело большого значения, так как он являлся камергером и открыл своей супруге доступ ко двору. После десятилетнего супружества второй муж баронессы также скончался, оставив ей, кроме маленькой дочери, кучу долгов. Конечно, ей очень нравится властвовать в Линдгофе, так как, говорят, сын ни в грош не ставит ее.

Вошедшая служанка, вооруженная ведром и метлой, прервала разговор. Подзорная труба была поспешно сложена, лесничий снова принялся за очистку подоконников от остатков растений, а госпожа Фербер с Елизаветой занялись мебелью, стараясь при помощи тряпки и щетки вернуть ей прежний блеск.

Глава 6

Праздник Троицы миновал, но в старом замке еще парило праздничное настроение, несмотря на то, что Фербер приступил к исполнению своих обязанностей и ему предстояло делать неизбежные визиты в Л., а госпожа Фербер и Елизавета получили с помощью Сабины значительный заказ из бельевого магазина в Л., и, кроме того, усердно работали в саду, который должен был уже в этом году послужить им по мере сил. Это настроение, царившее в старых покоях, несмотря на неустанный труд, вызвано было тем обстоятельством, что семья Фербер, глубоко чувствовавшая перемену, прошедшую в ее положении, постоянно сравнивала настоящее с прошлым, что вместе с непривычной жизнью в лесу возбуждающим образом действовало на их души.

Заботливые родители предназначили для Елизаветы комнату с гобеленами, потому что из ее окон открывался самый красивый вид, и она при первом же осмотре замка больше всего понравилась молодой девушке. Дверь, ведущую в большой флигель, опять заложили кирпичом. В глубине комнаты красовалась одна из кроватей с балдахином, у окна стоял письменный стол, на котором, помимо старинного письменного прибора, стояли две хорошенькие маленькие вазы с цветами, а на широком каменном подоконнике среди нежной зелени сирени помещалась медная клетка, в которой кенарь Ганс распевал свои трели на зависть всем лесным виртуозам.

Когда обставляли комнату и госпожа Фербер поминутно приносила какую-нибудь вещь, чтобы сделать ее как можно уютнее, отец, встав около самой длинной стены и загородив ее руками, изгнал в другую комнату диванчик, который только что собирались туда поставить.

– Нет, уж эту стену я оставляю за собой! – улыбнулся он, внося большую полку из темного дерева и прикрепляя ее к стене. – Здесь должен царить только он, – добавил Фербер, помещая на ней бюст Бетховена.

– Да, но ведь это совсем некрасиво! – промолвила жена.

– Подожди немного. Завтра или послезавтра ты убедишься, что у меня не такой уж дурной вкус.

На следующий день отец с братом уехали в город. Когда они вечером вернулись, то не прошли через калитку, а велели открыть большие ворота, и четыре носильщика внесли какой-то большой блестящий предмет. Елизавета стояла у окна на кухне и была занята в первый раз в новой квартире приготовлением ужина.

Она громко вскрикнула: это несли рояль, который был водворен в комнату с гобеленами под бюст Бетховена! Елизавета плакала и смеялась и в восторге бросилась на шею отца, который истратил на рояль все, что было выручено от продажи мебели в Б., чтобы воздать ей то, что составляло радость в ее жизни. Это был инструмент гораздо красивее, чем прежний, и более новый. Она тотчас же открыла крышку, и в стенах, где так долго царил молчок смерти, раздались мощные аккорды.

Лесничий тоже пришел в замок, чтобы видеть радость племянницы, и молча прислонился к стене, когда из-под пальцев девушки полились дивные мелодии. До сих пор дядя и Елизавета обменивались лишь шуточками да острыми словечками. Он всегда называл ее «златокудрой Эльзой», утверждая, что ее волосы имеют такой золотистый цвет, что он увидел бы их блеск сквозь самую густую лесную чашу, как некогда Роланд – алмаз на щите великана. Когда она кончила играть и положила обе руки на рояль, как бы желая обнять его, лесничий тихо прошел по комнате, поцеловал ее в лоб и молча вышел. С этого дня он стал каждый вечер приходить в старый замок. Как только последние лучи солнца исчезали за лесом, Елизавета садилась за рояль. Маленькая семья помещалась в глубокой нише сводчатого окна и мысленно уносилась

туда, куда ее звал великий композитор, бюст которого строго взирал на воодушевленное лицо молодой пианистки.

Однажды семья Фербер сидела за послеобеденным кофе. Дядя тоже поднялся наверх, захватив с собой газеты и трубку, чтобы получить из рук Елизаветы чашку горячего душистого кофе. Он только собирался прочитать вслух какую-то интересную статью, как вдруг у калитки послышался звонок. Эрнст открыл ее. Ко всеобщему удивлению вошел слуга замка Линдгоф с письмом для Елизаветы от баронессы Лессен. После целого ряда комплиментов по поводу игры молодой девушки, которую баронесса слышала, гуляя в лесу, Лессен обращалась к ней с предложением, не согласится ли та несколько раз в неделю играть в четыре руки с госпожой фон Вальде. Письмо было написано в очень вежливом тоне, но дядя, внимательно прочитав два раза, недовольно бросил его на стол, и, пристально посмотрев на Елизавету, проговорил:

– Ты на это не согласишься, надеюсь?

– А почему бы нет, милый Карл? – спросил Фербер.

– Потому что Елизавете там не место! – запальчиво воскликнул лесничий. – Если ты хочешь, чтобы то, что ты так старательно возделывал, было побито морозом, тогда делай, как знаешь.

– До сих пор, действительно, только я один лелеял душу моей дочери и прилагал все усилия к тому, чтобы старательно поддерживать каждый вновь пробивающийся росточек. Но, тем не менее, мне никогда и в голову не приходило воспитывать чахлое оранжерейное растение, и горе ей и мне, если то, что я холил и нежил в течение восемнадцати лет, не укоренилось и погибнет при первом дуновении ветра. Я воспитал свою дочь для жизни, так как ей придется вести борьбу с ней как и всякому другому человеку; и если я сегодня закрою глаза, она должна будет сама взять в руки руль, которым я до сих пор управлял за нее. Если обитатели особняка – неподходящее для нее общество, то это обнаружится очень скоро, или обе стороны, поняв, что между ними нет ничего общего, разойдутся, или Елизавета пройдет мимо того, что противоречит ее взглядам. Ты ведь сам принадлежишь к числу тех людей, которые никогда не бегут от опасности, а вступают в борьбу с нею.

– Ну, знаешь... На то я и мужчина, который должен уметь постоять за себя.

– А откуда ты знаешь, что у Елизаветы будет в жизни кто-нибудь, кто, кроме нее самой, захочет и сможет постоять за нее?

Лесничий бросил быстрый взгляд на молодую девушку, не сводящую с отца горящего взора.

– Отец, – проговорила она, – ты увидишь, что не ошибся и что я достаточно сильна. Та можешь спокойно отпустить меня в итальянский замок, дядечка, – лукаво обратилась она к лесничему, у которого между бровями легла хмурая складка, – если обитатели замка и бессердечные, то это вовсе не значит, что я должна тотчас превратиться в людоеда. Если же они захотят унижить меня своим высокомерием, то я облекусь в такую непроницаемую броню, что все их стрелы пролетят мимо. Если же они льстецы, яркий свет правды еще ярче засияет для меня, и тем я яснее увижу, как непривлекательны их черные маски.

– Прекрасно сказано, несравненная Эльза! Все это было бы легко исполнить, если бы эти люди имели любезность так явно носить свои маски. Ты будешь очень удивлена, найдя в один прекрасный день труху там, где искала золото.

– Но, дорогой дядя, неужели я буду настолько глупа, чтобы создавать себе такие иллюзии! Вспомни только, сколько печали выпало в детстве на мою долю... Вот, видишь, дядечка, что произошло благодаря твоим чрезмерным заботам о спасении моей души: твой кофе, вероятно скоро покроется льдом, а бедная пеньковая трубка едва теплится.

Лесничий рассмеялся, хотя, по-видимому, против воли, затем сказал Елизавете, когда она поспешно наполнила его чашку свежим кофе и разожгла трубку.

– Не думай, пожалуйста, что я ограничусь тем, что уже сказал. Ну, делай, как знаешь. Я, без сомнения, получу удовлетворение, увидев, как в один прекрасный день храбрый цыпленок испуганно прибежит под защиту родного крылышка.

– Ну, – рассмеялась госпожа Фербер, – этого тебе придется долго ждать. Ты совершенно не знаешь нашей маленькой гордячки. Однако, надо же прийти к какому-нибудь решению. По моему, было бы уместным, если бы Елизавета завтра же представилась дамам.

Фербер и его дочь присоединились к этому решению, тогда как лесничий вздохнул и что-то проворчал относительно людей, которые смущают порядочных граждан даже в их доме и надоедают им. Когда Елизавета снова разожгла ему погасшую трубку, он устремил на нее странный взгляд, в котором смешивались раздражение, нежность и восхищение.

Около пяти часов вечера следующего дня Елизавета спускалась с горы. Хорошо расчищенная дорожка вела через лес, примыкавший к парку, который никак не отделялся от него. Елизавета надела новое кисейное платье и круглую белую шляпу. Отец проводил ее до лужайки, а дальше она храбро пошла вперед. Ни одна душа не попала ей навстречу на длинных, извилистых дорожка парка. Наконец, девушка добралась до главного здания и увидела первое человеческое лицо. Это был лакей, усердно старавшийся не производить ни малейшего шума и хлопотавший в вестибюле.

Елизавета попросила доложить о ней баронессе. Лакей побежал наверх по широкой лестнице, у подножия которой прятались в листве померанцев две высокие статуи. Очень быстро вернувшись, лакей доложил, что барышню просят и, едва касаясь ногами пола, ринулся вперед, показывая гостье дорогу.

Елизавета с бьющимся сердцем последовала за ним. Ее угнетала окружавшая не роскошь, а чувство полного одиночества в новой, незнакомой обстановке. Слуга повел ее по длинному коридору, в который выходил целый ряд комнат, обставленных чрезвычайно изысканно и богато, затем осторожно отворил большую двухстворчатую дверь и пропустил молодую девушку.

Недалеко от окна, как раз напротив Елизаветы, лежала на кушетке дама, очевидно, тяжело больная. Голова ее покоилась на белой подушке, но фигура, насколько можно было судить под окутывающими ее теплыми одеялами, была весьма солидной полноты. В руках она держала флакон. При виде Елизаветы дама несколько приподнялась, так что девушке стало видно ее лицо – полное и бледное, оно производило, на первый взгляд, довольно приятное впечатление, но при более внимательном рассмотрении оказалось, что большие голубые глаза с совершенно белыми ресницами и бровями имели почти ледяное выражение, которое еще более подчеркивалось надменной складкой около рта и носа и широким, выдающимся вперед подбородком.

– Ах, это очень любезно с вашей стороны, что вы пришли! – воскликнула баронесса слабым голосом и указывая при этом гостье на одно из стоящих подле нее кресел, жестом пригласила ее сесть. – Я просила мою кузину сговориться с вами у меня, потому что я, к сожалению, слишком слаба, чтобы проводить вас к ней.

Прием Елизавете оказали очень любезный, хотя в тоне и движениях нельзя было не заметить значительной доли милостивого снисхождения.

Елизавета опустилась на стул и только что собралась ответить на вопрос баронессы о том, как ей нравится Тюринген, когда дверь с шумом распахнулась, и в нее ворвалась маленькая девочка лет восьми с развевающимися волосами, прижимавшая к себе хорошенькую собачку, которая визжала и вырывалась.

– Али так непослушен, мама, он совсем не хочет сидеть у меня! – запыхавшись, воскликнула малютка, бросая собачонку на ковер.

– Ты, вероятно, опять дразнила собачку, – проговорила ее мамаша. – Ты мне мешаешь, Бэлла и очень шумишь, а у меня болит голова... Иди в свою комнату!

– Ах, там так скучно! Мисс Мертенс запретила мне играть с Али, и я все время должна повторять басни, которые я терпеть не могу.

– Тогда оставайся здесь, только сиди смиренно.

Девочка прошла вплотную мимо Елизаветы, причем оглядела сверху донизу ее костюм, потом влезла на резную скамейку для ног, чтобы добраться до вазы со свежими цветами. Прелестный букет в одну минуту превратился в бесформенную массу в маленьких ручках девочки, которые усердно выдергивали цветы и втыкали их в тонкую вышивку занавесок. Во время этого занятия со стеблей стекали большие капли бурой жидкости, в которой стояли цветы, и падали прямо на платье Елизаветы, так что последней пришлось отодвинуться, потому что мамаша, очевидно, не собиралась положить конец этому занятию. Елизавета только успела ответить на следующий вопрос баронессы, что в Тюрингене она чувствует себя прекрасно, как больная быстро поднялась и приветливо закивала в направлении скрытой в обоях двери, бесшумно открывшейся в эту минуту.

На пороге ее появились двое молодых людей, которых Елизавета уже видела в свою подзорную трубу. Какой контраст представляли они рядом! Гольфельд должен был сильно склонить набок свой стройный стан, чтобы поддерживать маленькую ручку, лежавшую на его руке. У Сильфиды, покоившейся тогда на кушетке, была совершенно искалеченная детская фигурка. Хорошенькая головка совсем пропадала в высоко поднятых плечах, а костыль, на который она опиралась правой рукой, указывал на то, что и ноги ей плохо повиновались.

– Прости, дорогая Елена, – проговорила баронесса, обращаясь к вошедшей, – что я побеспокоила тебя, но видишь, я опять обратилась в бедного беспомощного Лазаря, к которому ты всегда так ангельски добра. – Фербер, – представила она молодую девушку, которая, краснея, поднялась, – была так любезна, что в ответ на мою вчерашнюю записку пришла сама.

– За что я вам от души благодарна, – с приветливой улыбкой обратилась молодая особа к Елизавете, подавая ей руку. Ее взгляд с восхищением скользнул по фигурке Елизаветы и остановился на ее золотых косах, видневшихся из-под шляпы. – Да, я уже видела ваши чудные золотистые волосы, гуляя вчера по лесу, когда вы перегнулись через стену старого замка.

Молодая девушка покраснела еще больше.

– Но именно потому, что вы были на стене, – продолжала Елена, – мне пришлось лишиться удовольствия, ради которого я, собственно, и взобралась на гору. Я хотела послушать вашу игру. При такой молодости – и столь глубокое понимание классической музыки? Как это возможно? Вы доставите мне громадное наслаждение, если согласитесь иногда играть со мною в четыре руки.

По лицу баронессы скользнула легкая тень неудовольствия, и от внимательного наблюдателя не ускользнула бы презрительная улыбка, пробежавшая по ее губам. Елизавета совершенно не заметила этого, так как всецело была поглощена несчастной своей собеседницей, мягкий, серебристый голос которой исходил, казалось, из самого сердца.

Гольфельд тем временем пододвинул к кушетке кресло для госпожи фон Вальде и затем откланялся, не произнеся ни слова. Но так как он вышел в дверь, бывшую как раз напротив Елизаветы, то от нее не укрылось, что в то время, когда он медленно закрывал ее, взгляд молодого человека упал на гостью. Девушка испугалась этого взгляда и начала осматривать свой костюм, пытаясь найти в нем какой-то изъян.

Госпожа фон Вальде прервала размышления Елизаветы вопросом о том, какому учителю та обязана своей совершенной игрой, на что девушка ответила, что занималась только с матерью, и что родители учили ее всему сами.

Во время этого разговора Бэлла, поместившись на ковре, играла с собакой, причем та все время жалобно визжала, и госпожа фон Вальде всякий раз испуганно вздрагивала, а баронесса машинально замечала:

– Оставь эти проказы, Бэлла. Мне придется позвать мисс Мертенс.

– Ну, так что же! – пренебрежительно заметила, Бэлла, – она все равно не посмеет меня наказать: ведь ты сама запретила ей это.

В эту минуту в комнату вошла бледная, довольно пожилая особа. Почтительно поклонившись дамам, она робко проговорила:

– Господин кандидат ожидает Бэллу.

– Я не хочу сегодня учиться, – закричала девочка и, взяв со стола моток шерсти, бросила его в вошедшую.

– Нет, дитя мое, это необходимо, – произнесла баронесса, – иди с мисс Мертенс и будь умницей.

Бэлла уселась в кресло, как будто все это касалось ее столько же, сколько укрывшегося под диваном Али, и поджала под себя ноги. Гувернантка хотела было подойти к девочке, но гневный взгляд баронессы остановил ее.

Эта сцена, вероятно, еще долго бы продолжалась, если бы баронесса не прибегла к помощи конфет. Девочка, набив ими рот и карманы, покинула свое место. Англичанка хотела взять ее за руку, но Бэлла оттолкнула ее и выбежала из комнаты.

Елизавета совсем окаменела от удивления. На кротком лице фон Вальде лежало выражение неодобрения, но она не проронила ни слова.

Баронесса снова опустилась на подушки.

– Эти гувернантки вгонят меня в гроб, – со вздохом произнесла она. – Когда же, наконец, мисс Мертенс научится обращаться с Бэллой, как того требует ее впечатлительная и нервная натура... Она совершенно не считается с детским темпераментом и положением. Всех подгоняет под один шаблон – будь то дочь какого-нибудь лавочника или знатного лорда. Мисс Мертенс – отвратительный, педантичный педагог. Причем, ее выговор ужасен! Бог весть, из какой глуши Англии она явилась!

– Я не нахожу этого, дорогая Амалия, – сказала госпожа фон Вальде, в голосе которой звучала бесконечная доброта.

– Ах, это ты говоришь по своей ангельской доброте. Хотя я сама и не говорю по-английски, но прекрасно слышу, что твой выговор, милочка, несравненно элегантнее.

Елизавета мысленно усомнилась в справедливости этого суждения, а госпожа фон Вальде сделала отрицательное движение рукой и при этом слегка покраснела.

Баронесса же продолжала:

– Бэлла тоже прекрасно чувствует это. Она упорно молчит, когда гувернантка обращается к ней по-английски. Я вполне понимаю ее и всегда выхожу из себя, когда эта особа уверяет, что девочка упрямится.

Слабый вначале голос баронессы удивительно окреп во время произнесения этой тирады.

Она, казалось, сама заметила это и, вздохнув, утомленно закрыла глаза.

– О! Мои несчастные нервы снова расшатались. Я опять становлюсь раздражительной. Эти неприятности – сущий яд для тела и души.

– Я советовала бы тебе в те дни, когда ты так скверно себя чувствуешь, как сегодня, спокойно оставлять Бэллу на попечение господина Меренга и мисс Мертенс, – продолжала госпожа фон Вальде. – Я убеждена, что за нею будет хороший присмотр. Хотя я вполне понимаю твои трогательные заботы о ребенке, но все же должна заметить для твоего успокоения, что мисс Мертенс слишком хорошо воспитана, чтобы сделать девочке такое, что не послужило бы ей на пользу. У тебя совсем утомленный вид, – участливо сказала она. – Будет лучше, если я оставлю тебя одну. Госпожа Фербер, вероятно, будет настолько добра и проводит меня до моей комнаты.

С этими словами она встала, наклонилась к баронессе и поцеловала ее в щеку. Затем взяла под руку Елизавету, которую баронесса отпустила чрезвычайно благосклонным движением руки, и вышла из комнаты.

Во время продолжительного странствования по различным коридорам она сказала, что для ее брата, которого сейчас нет с нею, будет громадной радостью, если она опять начнет заниматься музыкой. Раньше он часами мог сидеть в темном углу и слушать игру, пока сильное расстройство нервов не заставило ее надолго отказаться от любимого занятия. Теперь она чувствует себя гораздо лучше, и доктор опять разрешил ей играть. Она будет усердно заниматься, чтобы сделать брату приятный сюрприз к его возвращению.

Елизавета мчалась, как на крыльях, по дорожке уединенного парка в гору. Наверху, у калитки, ее поджидали родители, а маленький Эрнст побежал ей навстречу. Каким уютным и родным казалось Эльзе все здесь, наверху. Родители встретили ее так, как будто давно не видели, у окна заливался от радости кенарь Ганс, а под развесистыми липами девушку ждал накрытый для ужина стол.

Итальянский дворец со всей его роскошью исчез для нее, как сон. Передав родителям все свои впечатления, она проговорила:

– Следуя тому, чему ты меня учил, папочка, я сегодня еще не должна делать какие-либо выводы относительно нового знакомства, потому что ты утверждаешь, что первое впечатление обманчиво, но когда я думаю об этих двух дамах, мне невольно представляется одинокая молодая березка, безропотно позволяющая налетевшему урагану трепать свои гибкие ветви.

Глава 7

С этого времени Елизавета стала два раза в неделю ходить в Линдгоф. Баронесса на другой день после визита своей молодой соседки написала очень нежное письмо, в котором назначила дни занятий и предложила ей очень приличный гонорар за ее труды. Эти уроки очень скоро сделались для Елизаветы источником высшего наслаждения. У Елены фон Вальде, вследствие того, что она не занималась несколько лет, сильно страдала техника, и она не могла соперничать с Елизаветой, но играла с глубоким чувством, обладая превосходным музыкальным чутьем, и никогда не относилась отрицательно к тому, что было ей не по силам. Баронесса фон Лессен никогда не присутствовала при их занятиях музыкой, благодаря чему минуты отдыха приобрели особую прелесть для Елизаветы. Лакей мгновенно приносил какое-нибудь угощение, Елена располагалась в своем кресле, а молодая учительница садилась на скамеечке возле ее ног, с восхищением слушая, как она своим грустным меланхолическим голосом рассказывала о своем прошлом. Тут всегда выступал на первый план образ отсутствующего брата. Елена не могла нахвалиться им за его заботы о ней, говорила о том, что брат купил Линдгоф исключительно потому, что она, гостившая продолжительное время при дворе в Л., нашла, что тюрингский воздух особенно хорошо действует на ее здоровье. Из этого следовало, что он нежно любит свою сестру.

Однажды после обеда, когда девушки особенно увлеклись музыкой, слуга доложил о приходе гостей.

– Останьтесь, пожалуйста, у нас пить чай, – обратилась Елена к Елизавете. – Приехал из Л. мой доктор, и хотели быть некоторые дамы из соседних имений. Я сейчас пошлю кого-нибудь к вашей маме, чтобы она не беспокоилась. Моя беседа с доктором не будет продолжительной, и я скоро вернусь к вам.

С этими словами она вышла.

Не прошло и десяти минут, как Елена снова вернулась, опираясь на руку господина, которого представила Елизавете как доктора Фельса из Л... Это был стройный мужчина с очень умным лицом. Он с интересом повернулся к молодой пианистке, услышав ее фамилию, и в юмористическом тоне рассказал о том изумлении и ужасе, в которое повергло почтенных жителей Л. известие о том, что в старом Гнадеке появились обитатели, и притом самые настоящие живые люди.

Вдруг в соседней комнате послышалось шуршание, и на пороге появились две дамы – старая и молодая. Сильное сходство лиц давало возможность безошибочно заключить, что это – мать и дочь. На обеих были темные платья, которые вопреки моде ниспадали почти до самого пола. Длинные мантильи из шерстяной ткани и круглые коричневые шляпы под подбородком были завязаны у матери черным, а у дочери лиловым бантам. Елена назвала их господами фон Лер. Позднее Елизавета узнала, что они, живя в Л., обыкновенно проводили лето в Линдгофе, где нанимали себе крестьянскую избу.

Непосредственно за вновь прибывшими вошла баронесса под руку с сыном в сопровождении молодого человека, которого все называли кандидатом Меренгом. Баронесса была в темном, но чрезвычайно элегантном платье и имела очень представительный вид. На пороге она на минуту остановилась и была, по-видимому, неприятно удивлена присутствием Елизаветы. Она смерила девушку высокомерным взглядом и ответила на ее поклон едва заметным кивком.

Елена уловила этот взгляд и, подойдя к ней, умиротворяюще шепнула:

– Я оставила сегодня свою любимицу у себя, потому что было уже поздно.

От тонкого уха Елизаветы не ускользнуло это извинение, она была возмущена и готова выскочить за дверь, если бы гордость не повелела ей остаться и принять высокомерный вызов баронессы.

Баронесса, очевидно, была удовлетворена раскаянием в совершенном за ее спиной преступлении и, обняв Елену, стала нежно гладить ее по голове и осыпать комплиментами. Затем она пригласила присутствующих последовать за нею в соседнюю комнату, где был накрыт стол. Она была очень любезной хозяйкой и проявила большой талант все время поддерживать разговор с ловкостью, достойной удивления. Она умела притворяться так, что Елена оставалась центром, на котором сосредоточивалось все ее внимание, не давая, однако, другим почувствовать себя сколько-нибудь обойденными.

Елизавета молча сидела между доктором и барышней Лер. Разговор представлял для нее мало интереса, потому что касался совершенно незнакомых ей людей и обстоятельств. Госпожа Лер говорила очень важно и казалась весьма осведомленной в том, что свершилось или говорилось, будь то тайно или явно, у гостивших в Линдгофе. Она сообщала обо всем удивительно жалобным голосом и, заканчивая пересказ какой-нибудь возмутительной новости, всякий раз смиренно опускала свое высохшее свиное лицо с таким видом, будто она – агнец, который должен нести на себе грехи всего мира. Время от времени она вынимала из своего огромного ридикюля бутылочку с укропной водой и смачивала свои больные глаза, постоянно устремленные к небу.

Какой контраст представляли собой эта госпожа и ангельское личико Елены, которая сегодня еще больше напоминала Елизавете водяную лилию благодаря какому-то особенному выражению, лежавшему на нем! Ее глаза сверкали счастливым блеском, на губах играла прелестная улыбка, всякий раз она брала в руки букет, который Гольфельд при своем появлении вложил ей в руку. Он сидел около нее и иногда принимал участие в разговоре. Когда он начинал говорить, все присутствующие умолкали и с видимым интересом слушали.

Хотя он вовсе не отличался красноречием и, как показалось Елизавете, не высказывал каких-либо оригинальных мыслей.

Это был красивый молодой человек лет двадцати четырех. Правильные черты его лица, имевшего очень спокойное выражение, говорили о твердости характера, но тот, кто внимательно присматривался к его взгляду, изменял свое мнение. Эти глаза были довольно красивы, но никогда не вспыхивали блеском, изобличающим умного, неординарного человека, даже когда он не произносит ни одного слова, и не наполнялись мягким светом, указывающим на глубокую натуру.

Однако только немногие делали подобные выводы, так как о Гольфельде почему-то установилось мнение, что это – оригинал, молчаливость которого исходит от слишком большой глубины его ума. Дамы в Линдгофе, очевидно, разделяли этот взгляд, что было особенно заметно по дочери госпожи фон Лер, которая всякий раз, как Гольфельд открывал рот, проявляла такое внимание, точно речь шла об ангельском откровении. Но, оказалось, и она была не прочь блеснуть своим красноречием.

– Вы, вероятно, тоже в восхищении от прекрасной проповеди, которой услаждает нас в праздники кандидат. Меренг? – спросила она, обращаясь к Елизавете.

– Очень сожалею, но я не слышала.

– Так вы совершенно не ходите в церковь?

– Нет, как же! Я с родителями была в церкви в Линдгофе.

– Так, – произнесла баронесса Лессен, в первый раз поворачивая голову к Елизавете. – Там, в Линдгофе, наверное, было очень назидательно?

– О да, – спокойно ответила Елизавета, хладнокровно выдерживая насмешливый взгляд баронессы. – На меня произвели сильное впечатление простые, но вместе с тем трогательные слова пастора, который, впрочем, проповедовал не в церкви, а на открытом воздухе, под дубами. Перед началом богослужения выяснилось, что маленькая церковь не могла вместить в себя всех слушателей, и тотчас же был сооружен алтарь под открытым небом, как уже происходило не один раз.

– Да, это, к сожалению, известно, – перебил ее кандидат, Меренг, который очень мало говорил до сих пор и довольствовался тем, что отвечал любезной улыбкой или кивком на сообщения госпожи фон Лер. Теперь же он покраснел до корней волос и насмешливо обратился к баронессе:

– Как далеко зашло, уважаемая баронесса! Старые боги опять спустились в священные рощи друидов приносить им жертвы под дубами.

– При всем своем пылком воображении я не могла себе представить, что присутствую на языческом жертвоприношении, – возразила Елизавета. Она улыбнулась, но затем тепло и сердечно продолжала: – В то чудное праздничное утро, когда мощные звуки органа лились через открытые окна и двери, и голос почтенного старого пастора так проникновенно звучал среди свежей зелени, мною овладевало такое же настроение, как в тот день, когда я впервые вступила в храм Божий.

– Вы, кажется, обладаете замечательной памятью, заметила госпожа Лер. – Разрешите спросить, сколько вам было тогда лет?

– Одиннадцать.

– Одиннадцать? О, да неужели это возможно? – с ужасом воскликнула старушка. – Неужели люди-христиане могли сделать подобное? Мои дети уже с самого раннего детства посещали дом Божий, вы должны засвидетельствовать, милейший доктор!

– Совершенно верно, – серьезно ответил тот. – Я еще прекрасно помню, что приступ круппа, вследствие которого вы имели несчастье потерять вашего сына, был вызван простудой при посещении холодной церкви.

Елизавета с испугом взглянула на своего соседа. Доктор до того времени не принимал участия в разговоре и ограничивался тем, что изредка вставлял едкие замечания, причем баронесса всякий раз посылала ему укоризненный взгляд. Вступив в разговор, Елизавета перестала обращать на него внимание так же, как и другие, потому что взоры всех были направлены на «нечестивую язычницу». Никто не заметил, что доктор чуть не умирал со смеху, слушая ответы своей молодой соседки и видя впечатление, производимое ею на окружающих.

Последние слова доктора показались Елизавете жестокими. Но он, вероятно, хорошо изучил своих ближних, потому что госпожа Лер приняла их совершенно спокойно и сладко ответила:

– Да. Господь взял к себе моего малютку. Он был слишком хорош для этого мира. Так, значит, в течение первых одиннадцати лет царствие Божие было закрыто для вас? – снова обратилась она к Елизавете.

– Только его храм! Я уже с малых лет знала священную историю. Мой отец придерживается того взгляда, что маленьким детям не следует ходить в церковь, так как их юные души не в состоянии постичь ее высокое значение, и дети скучают во время проповеди, которую при всем желании не могут понять, а из-за этого с ранних лет развивается небрежное отношение к религии. Моему маленькому брату семь лет, а он еще ни разу не был в церкви.

– О счастливый отец, имеющий возможность вводить в жизнь подобные взгляды! – воскликнул доктор.

– Ну, а что же мешает вам подобным образом воспитывать своих детей? – ехидно заметила баронесса.

– Этого я не могу объяснить вам в кратких фразах, многоуважаемая баронесса. У меня шесть детей, и я недостаточно богат, чтобы взять для них учителя. Моя профессия не позволяет мне самому учить их, так что я вынужден посылать их в школу, которая предусматривает и посещение церкви детьми. Я, например, совершенно не одобряю самостоятельного чтения детьми Библии. Дети предпочитают развлечение серьезному поучению и склонны интересоваться именно тем, чего им не следует знать, а потому часто вместо того, чтобы найти текст последней проповеди, обращают внимание на разные неподходящие выражения и затем обра-

щаются к матери за разъяснениями. Умная мать сумеет выйти из затруднения, но вместе с тем бывает вынуждена запретить произношение этих слов, чреватых опасностями... Возьмем, к примеру, «Песнь песней». Таким образом, в детской душе зарождаются первые сомнения, которым неокрепшее сознание не может оказать никакого противодействия.

Здесь баронесса нетерпеливо поднялась. На ее бледных щеках вспыхнули два ярких красных пятна. Для всех, кто ее хорошо знал, они служили признаком сильного гнева. Вследствие этого Елена, не принимавшая участия в разговоре, тотчас же встала и, взяв кузину под руку, подошла с нею к окну, спросив при этом, не доставит ли ей удовольствие послушать музыку. Баронесса кивком головы выразила свое согласие, главным образом потому, что чувствовала свою несостоятельность перед доктором. Каждый должен был заметить ее негодование, и теперь она сочла вполне подходящим успокоить свое возмущение против вопиющих нападок доктора на ее христианское рвение: ведь она сама раздавала детям Библии.

Баронесса удалилась в оконную нишу и стала смотреть в парк, где появлялись первые тени спускающейся на землю ночи. Взгляд ее был холодным и даже жестоким, около губ появилась глубокая складка – признак сильнейшей досады, не исчезнувшей даже при звуках баллады «Лесной царь» Шуберта, мастерски сыгранной обеими молодыми девушками в четыре руки, но не вызвавшей отклика в ее душе. Когда замолкли последние аккорды, обе музыкантши встали. Доктор, напряженно слушавший все время, подошел к ним, его глаза блестели, и он с восхищением поблагодарил их за доставленное удовольствие, которого, по его словам, не испытывал уже много лет. При этих словах лицо барышни Лер побагровело, а мамаша бросила на несчастного ядовитый взгляд. Ведь ее дочь в прошлую зиму несколько раз выступала в Л. на благотворительных концертах, где присутствовал и доктор. Однако тот, казалось, вовсе не замечал грозы, собравшейся над его головой, и начал пространный разговор о творчестве Шуберта, проявив при этом глубокую музыкальную образованность и тонкое чутье. Вдруг раздался резкий громкий аккорд. Беседовавшие испуганно обернулись: кандидат сидел у рояля, высоко подняв голову и взяв второй аккорд. Он заиграл красивый хорал, однако ужасное исполнение просто раздирало музыкальный слух собравшихся. К ужасу Елизаветы, кандидат еще запел отвратительным гнусавым голосом. Это было уже чересчур. Доктор схватился за шляпу и раскланялся перед Еленой и баронессой, – последняя отвернулась к окну и сделала, пренебрежительный прощальный жест рукой. По лицу доктора проскользнуло выражение, полное неподражаемого юмора. Он серьезно пожал руку Елизавете, сделал дамам общий поклон и вышел из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.